

Скорая *Помощь*

Эми Индрюс

ТЕСТ
НА ЛЮБОВЬ

HARLEQUIN®

ЦЕНТРОПОЛИГРАФ

Эми Эндрюс
Тест на любовь
Серия «Скорая помощь
– Harlequin», книга 6

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3947685

Эндрюс Эми Тест на любовь: АО Издательство Центрполиграф;

Москва; 2012

ISBN 978-5-227-03624-7

Оригинал: Amy Andrews, “A Doctor, a Nurse: a Christmas Baby”

Перевод:

О. А. Сухович

Аннотация

В голубоглазого красавца Нэша Риса, врача отделения детской реанимации, влюблена едва ли не каждая молодая женщина из числа персонала больницы. Но доктор держится недоступно. Его цель – стать высоким профессионалом, а вовсе не обзаводиться семьей. Однако он не смог преодолеть влечения к медсестре Мэгги. Ей сорок, она разведена, бесплодна и даже не мечтает о длительном романе с доктором, который на десять лет моложе ее. Но одна ночь?.. Почему нет, когда взаимная страсть так сильна? Неужели эта бурная ночь любви, подарившая Мэгги безграничное счастье, обернется для Нэша крахом мечты всей жизни?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Эми Эндрюс

Тест на любовь

Данная книга посвящена волонтерам радио «Леденец» в детской королевской больнице в Брисбейне.

Вы приносите музыку и развлечения в стерильный, страшный мир.

Спасибо.

Это издание опубликовано с разрешения «Арлекин Энтерпрайзиз II Б.В./С.а.р.л.».

A Doctor, a Nurse: a Christmas baby Copyright

© 2009 by Amy Andrews

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2012

Глава 1

Мэгги Грин очень хотелось, чтобы провидение дало ей хоть какую-то подсказку тем октябрьским утром, когда, перепрыгивая через ступеньки, она мчалась на пронзительный звук пейджера, сообщающего о чрезвычайной ситуации, хотя бы намекнуло, что все в ее жизни перевернется с ног на голову. Но ничего подобного она не чувствовала, когда резкий звук эхом пронесся через цементный лабиринт пожарного выхода больницы. Казалось, что просто начинается очередной день в детской больнице Брисбейна.

Она и подозревать не могла, когда ворвалась в отделение реанимации, о том, какое впечатление произведет на нее доктор Нэш Рис. О, разумеется, она слышала о нем. А кто ж не слышал? Слухи так и бурлили вокруг этого провинциального сердцеда, и все женщины, от уборщицы до старшей медсестры, едва не падали в обморок от его манящей походки.

Но она была не из тех, кто падает в обмороки. Любовь или влечение с первого взгляда были, по ее убеждению, присущи подросткам. А она старше на целых два десятка лет.

Нэш оторвал взгляд от борющегося за жизнь ребенка и посмотрел на медсестру, которая только что подросла на помощь. Она слегка запыхалась, ее пышная грудь тяжело поднималась и опускалась под футболкой поло синего цвета.

Несмотря на неровное дыхание, от нее исходила спокойная уверенность, и он улыбнулся ей.

– Вы как раз вовремя. Уверен, малышке понадобится интубация.

Доктор снова перевел взгляд на ребенка. Лекарства, которые дали новорожденной, чтобы остановить судороги, нарушили дыхательную деятельность, и она не дышала так, как он хотел. Он держал ручной респиратор у маленького личика девочки, поддерживая ее слабые дыхательные усилия.

Мэгги посмотрела в самые голубые глаза, которые когда-либо видела. Мужественная линия подбородка, покрытого щетиной, волнистые темно-русые волосы зачесаны назад над загорелым лбом. Она почувствовала, что и в самом деле готова упасть в обморок.

Мэгги забыла о царящей вокруг нее суматохе, трелях сирены и всхлипываниях расстроенной женщины; ее желудок сделал сальто.

Нэш с любопытством посмотрел на медсестру, которая стояла неподвижно, и почувствовал, как уголки его губ поползли вверх, несмотря на серьезность ситуации. Он знал этот взгляд. Женщины смотрели на него так с тех пор, как он себя помнил. Но на ее лице читалось удивление, и это было самым интригующим.

– Вы медсестра из отделения интенсивной терапии?

Мэгги с отсутствующим видом кивнула, чувствуя, как рассудок полностью покинул ее, когда его медленная, лени-

вая, самодовольная улыбка попала в цель. Она не помнила, чтобы когда-либо теряла дар речи от одного лишь присутствия мужчины.

– Думаю, вам нужно подойти ближе, сестра. Мне понадобится помощь, и вряд ли вы сможете оказать ее издалека.

Мэгги заморгала, возвращаясь на землю. Точно. Она медсестра отделения интенсивной терапии и поэтому сейчас здесь. Она отвечает за дыхательные трубки. Это ее работа. Тем не менее чувственный голос доктора обволакивал ее, как расплавленный шоколад, и на один безумный момент ей захотелось с головой окунуться в него.

Наконец, ее мозг заработал. Она сделала два шага вперед и оказалась у изголовья детской кровати, глядя в голубые-преголубые глаза Нэша Риса.

Нэш улыбнулся. На расстоянии сестра выглядела хорошо, но вблизи была еще лучше.

– Где ваш врач? – спросил он.

– Он осматривает пациента в другом крыле больницы.

Она произнесла это с придыханием, ненавидя себя за кокетство. Господи, она ведь старше его на целых десять лет. Она ничуть не увлечена им. А даже если б и была, с какой стати ему интересоваться ею? Сорокалетней разведенной женщиной, у которой так давно не было отношений с мужчиной, что она совсем забыла, что для этого нужно?

Судя по репутации Нэша, Мэгги была не в его вкусе. Она давно пережила время ночных клубов и вечеринок. Она ра-

ботала, добровольно помогала на радио «Смешинка», ухаживала за садом, захлеб читала и спала.

О боже... Она превращалась в отшельницу. Отшельницу, добровольно уединившуюся в собственном жилище. Оставалось завести пару кошек, и тогда она точно будет безнадежна. Мэгги прочистила горло:

– Он скоро придет.

Она выглядела немного взволнованной, и Нэш не мог не подразнить ее:

– Вы в порядке? Сможете это сделать?

Мэгги хотела рассердиться. И едва сдержалась, чтобы не сказать: «Послушай, сынок, я помогала с интубациями, когда ты еще носил подгузники». Однако просто кивнула и спросила:

– Какой размер?

Он снова медленно, лениво улыбнулся ей:

– Четвертый.

Мэгги опустила взгляд, чувствуя волнение; это было не похоже на нее. Она сотни раз оказывала неотложную помощь и всегда была беспристрастной и рациональной. И этот случай не будет отличаться от других.

Она повернулась к каталке, которая находилась позади нее, и вытащила из коробки необходимую интубационную трубку. Вскрыла упаковку и выдавила немного смазки на конец узкой изогнутой трубки.

Частота сердечных сокращений ребенка стала затухать.

Они тут же встревожились, забыв о забавном влечении между ними.

– Давление падает, – сказала Мэгги, посмотрев на зеленую кривую, мерцающую на экране прибора позади головы Нэша. – Сто.

Они посмотрели на грудь ребенка, когда показатель упал еще больше.

– Девяносто два, – сообщила Мэгги, наблюдая, как значение на жидкокристаллическом экране уменьшается и уменьшается.

– У нас нет времени ждать врача из реанимации. Давайте сделаем все сами.

Мэгги не могла не согласиться. Обычно, работая с врачом, которого не знала, она жутко волновалась в таких чрезвычайных ситуациях. Но, как ни странно, сейчас Мэгги не чувствовала ничего подобного. Она совсем не знала Нэша – кроме его репутации сердцееда, – но его уверенность внушала спокойствие.

– Давай дадим ей немного векурония, Зо, – сказал Нэш одной из медсестер реанимации. – У нас есть атропин?

Мэгги удивленно заморгала: мужчина с ленивой обольстительной улыбкой исчез и появился виртуозный профессионал. Она последовала его примеру, игнорируя прилив влечения и становясь опытной медсестрой детского отделения интенсивной терапии, спокойной и уравновешенной.

– Векуроний ввели. – Зо добавила лекарство в капельницу

ребенка. – Атропин готов, если понадобится.

Нэш кивнул и стал управлять дыханием ребенка, когда лекарство подействовало, вызвав полную релаксацию мышц.

– Хорошо, – вскоре пробормотал он.

На мониторе снова загорелось «100».

– Так. – Нэш отбросил респиратор. – Начнем.

Мэгги передала ему ларингоскоп, и все затаили дыхание, когда он со знанием дела ввел его в рот ребенка и распорядился:

– Трубку!

Нэш протянул руку, пока другой давил на ручку прибора, чтобы держать рот маленькой пациентки открытым. Он был похож на хирурга, который просил инструмент, его глаза не отрывались от цели.

Мэгги вложила в его руку трубку таким образом, чтобы он мог просунуть ее по стенке ларингоскопа и протолкнуть в горло одним плавным движением.

– Давление сто пятьдесят девять. Кислород – девяносто восемь, – тихо сказала она.

Нэш кивнул, расположив трубку под углом. Он сам собирался спросить об этом, так как стоял спиной к мониторам и не мог видеть цифры. Он точно знал, что на время, пока делают интубацию, лекарство, которое ввели, остановило дыхание пациентки. И чем дольше он возился, тем больше лишал ее организм жизненно необходимого кислорода.

– Прием Селлика, – пробормотал он.

Мэгги автоматически потянулась к шее ребенка.

Нэш был изумлен быстрой, уверенной техникой медсестры.

– Частота пульса – шестьдесят пять. Кислород – девяносто два.

Нэш кивнул, закончив процедуру:

– Я внутри.

Он держал трубку на месте, пока Мэгги присоединила респиратор и сделала пару осторожных вдохов. Крошечная грудь девочки поднялась и опустилась. Поднялась и опустилась.

– Хотите послушать? – спросила Мэгги.

Нэш кивнул. Он стоял неподвижно, когда сестра осторожно сняла стетоскоп с его шеи и вставила в уши. Ее взгляд скользнул по его лицу, пока она это делала, а затем застыл. Ее щеки мило порозовели, и, хотя часть его сознания слушала свистящий звук дыхания, пока она водила стетоскопом по груди ребенка, другая часть заметила ее бархатные карие глаза, высокие скулы, полные сочные губы.

– Какой красивый нос, – пробормотал он, не отрывая от нее взгляда.

Мэгги сглотнула. Нэш был очень красив. Цвет его глаз был невероятным. Ясные, голубые, как тропические воды, или, в зависимости от его настроения, как арктический лед. Кожа его золотилась от загара, морщинки в уголках глаз говорили о том, что ему нравилось смеяться так же, как и бы-

вать под австралийским солнцем.

Мэгги поняла, что опять уставилась на Нэша, и резко одернула себя.

– Закрепить трубку пластырем? – спросила она.

– Хорошая идея, – пробормотал Нэш.

Мэгги отвела взгляд в сторону. Хорошо, что появилась работа. Она взяла первую ленту пластыря, не обращая внимания на загорелые пальцы доктора, крепко удерживающие трубку на месте, когда в палату наконец вошел врач интенсивной терапии.

– Мак, – поприветствовал его Нэш, – ты немного опоздал.

– Извини, – задыхаясь, ответил Мак Колдвел; он согнулся, держась за бок. – Я всю дорогу бежал.

– Присаживайся, – засмеялся Нэш. – Кризис миновал.

Мэгги обнаружила, что ей трудно справиться с трубкой и пластырем, когда так близко Нэш. Тепло его тела в сочетании с опьяняющим запахом лосьона после бритья действовало гипнотически.

Она опустила взгляд на его брюки и плоский живот под небрежной клетчатой рубашкой. Она была расстегнута у шеи, а рукава закатаны до локтей, обнажая загорелые предплечья.

Мэгги слушала, как Нэш вводил Мака в курс дела, а потом успокаивал взволнованную маму ребенка.

– Давайте подключим девочку к переносному аппарату, – предложил Нэш, когда последняя лента пластыря была за-

креплена вокруг трубки. – Сделаем рентген и проверим расположение трубки.

– Я сообщу врачу-консультанту, что у нас появился еще один пациент, – сказал Мак, извинился и пошел за телефоном.

Мэгги суетилась с пластырем, укорачивая один конец у крошечного ушка ребенка, очень хорошо зная, что Нэш по-прежнему стоит близко.

– Спасибо, сестра... – Нэш посмотрел на беджик, прикрепленный к воротнику футболки ассистентки. Над ее фотографией был приклеен смайлик, а красное сердечко закрывало фамилию. – Мэгги. Спасибо, Мэгги.

Руки Мэгги застыли, когда его голос омыл ее теплой волной.

Она осмелилась посмотреть на него и тут же пожалела об этом. На его лице была одна из его фирменных игривых улыбок. Волнение боролось в ней с раздражением. Раздражение взяло верх.

Демонстрируя безразличие, она пожала плечами:

– Я лишь выполняю свою работу.

– У вас так хорошо получается!

Мэгги почувствовала холодок внутри от его красивого голоса и нахмурилась. Этот мужчина был слишком молод и слишком уверен в себе.

– Разумеется. Я очень давно этим занимаюсь.

Нэш тихо рассмеялся. Он понял: Мэгги не нравится, что

он флиртует с женщиной ее возраста.

– Я люблю опытных женщин.

Мэгги отказывалась верить в такую виртуозную лесть.

Она вскинула брови.

– Только опытных женщин?

Он улыбнулся:

– Вы меня поняли.

– Нэш?

Доктор с неохотой отвел взгляд от Мэгги.

– Да, Зо?

– Можете осмотреть ребенка во второй палате?

– Конечно, сейчас приду. – Нэш снова повернулся к Мэгги. – Увидимся, Мэгги.

Она напряженно ему улыбнулась. *Просто не могла удержаться.*

Мэгги удалось перекусить только в два часа. День выдался сумасшедшим, и всем пришлось передвинуть обеденный перерыв. Она нашла незанятый столик в полупустой столовой, радуясь, что ей не пришлось тратить свои полчаса на праздную болтовню с кем-либо. Она открыла банку газированного напитка и откусила аппетитно пахнущий горячий мясной пирог.

Ей совсем некстати вспомнились дерзкие голубые глаза, и она покачала головой, прогоняя видение. Этим утром у нее не нашлось времени подумать о своей странной реакции на Нэша Риса, и будь она проклята, если решит потратить дра-

гоценный перерыв на мысли о нем.

– Вот это замечательный здоровый обед.

Иногда Вселенная делает все, чтобы достать вас.

Мэгги напряглась, когда голос, прозвучавший позади нее, обрел реальную форму. Реальную и весьма привлекательную форму.

– Можно к вам присоединиться?

Мэгги посмотрела на пустые соседние столы.

– Здесь полно места, – язвительно ответила она.

Нэш подавил улыбку. Ему нравились женщины, которые умеют стоять на своем. Мэгги напонила ему женщин, с которыми он вырос. Пять его сестер, мать, кузины. Деревенские женщины не были пугливыми, и, хоть пришлось потратить годы, оттачивая свое умение обвести их вокруг пальца, он восхищался их духом.

– Конечно, однако это мой любимый столик, – улыбнулся Нэш и отодвинул стул.

– Вот это да. Мне повезло.

– Мы знакомы лишь формально. – Он протянул руку. – Нэш Рис.

Мэгги ни за что не захотела прикоснуться к нему. Если он сумел выбить ее из колеи лишь своим присутствием, одному Богу известно, что может случиться, если она позволит себе прикоснуться к его коже. Она откусила еще кусочек пирога.

– Я знаю, кто вы.

Нэш рассмеялся от ее намеренного пренебрежения:

– Репутация идет впереди меня, понятно.

Она посмотрела в его совершенно не выражающее раскаяния лицо.

– Постарайтесь хотя бы выглядеть так, словно вас это огорчает, – насмешливо проговорила она.

Нэш вновь улыбнулся ей. У нее были самые глубокие карие глаза, которые он когда-либо видел. Они напомнили ему о двойных шоколадных пирожных его бабушки. И ему внезапно захотелось их.

– Итак... Мэгги? А фамилия?

Она отпила из своего стаканчика.

– Мэгги из интенсивной терапии.

Он изогнул бровь. Мэгги строила из себя недотрогу. Что ж, все когда-то бывает в первый раз.

– Итак, Мэгги из интенсивной терапии, что вы делаете сегодня вечером? Не хотите ли перекусить со мной?

Мэгги почти вдохнула свой напиток в легкие – так поразила ее вопрос Нэша. Она закашлялась, Нэш потянулся к ней и похлопал по спине, а потом положил руку ей на плечо и улыбнулся:

– Вы в порядке?

Ничуть. Она стяхнула его руку:

– В полном.

Он выдержал паузу и снова спросил:

– Итак?

Он серьезно? Она посмотрела на него: да. Последний раз

она была на свидании три года назад. И десять лет назад была с мужчиной, которому только исполнилось тридцать.

– Нет.

– Завтра вечером?

– Нет.

Нэш пожал плечами:

– Ну, я легко...

– Понятно, – прервала она.

Нэш улыбнулся и продолжил:

– Я могу подстроиться под вас.

Мэгги покачала головой, раздраженная его настойчивостью. Нэш поставил локти на стол, и это только подчеркнуло ширину плеч. Он был большой и нависал над ней, занимая все пространство.

– Вам не нравится принимать «нет» за ответ, не так ли?

– Зачем игнорировать то, что происходит между нами, Мэгги? Меня влечет к тебе. – Он посмотрел, как ее большие темно-карие глаза увеличились почти вдвое. – Уверен, что и я тебе не безразличен. Зачем нам притворяться, что это не так?

Мэгги уставилась на него. *Он сошел с ума?* Он напомнил ей ребенка, который в своей детской эгоцентричной манере ждет немедленного удовольствия. Но они не дети. Они взрослые, а взрослые должны быть немного осторожнее. Есть же правила и этикет.

– Сколько тебе лет, Нэш?

– Мне плевать на разницу в возрасте.

– Сколько? – настаивала она.

– Целых тридцать.

Мэгги кивнула: как она и ожидала. Но на короткое мгновение она захотела, чтобы и ей снова стало тридцать. Но затем реальность взяла верх. Она была глупа в тридцать. Переживала – и очень мучительно – трагедию бесплодия, и чернила были еще свежими на ее свидетельстве о разводе. Сейчас она в гораздо лучшем положении.

– И как ты думаешь, сколько мне лет?

Нэш в упор посмотрел на нее:

– Двадцать шесть.

Мэгги рассмеялась. Надо отдать ему должное, он даже глазом не моргнул. Она знала, что хорошо выглядит для сорокалетней женщины, но никто никогда не принимал ее за двадцатилетнюю.

– Это работает со всеми?

Нэш тоже рассмеялся:

– Не приходилось пробовать раньше. Никто никогда мне не отказывал.

В уголках его глаз появились морщинки, и это было очень-очень привлекательно.

– О боже! Думаешь, твое эго сможет вынести это?

– Оно довольно крепкое.

Мэгги невольно улыбнулась. Она не хотела быть очарованной им, но его яркая харизма и самокритичность созда-

вали неотразимое сочетание.

– Держу пари, что так и есть.

Нэш смотрел на Мэгги, которая вновь приступила к еде. Она доела пирог и, когда на губах остались крошки, слизнула их языком. Это не должно выглядеть эротичным – ради бога, она всего лишь ела! – но было именно таким. Видит бог, он сам хотел слизнуть их.

Ради собственного спокойствия он перевел взгляд выше. Ее короткие каштановые волосы со светлыми прядками выглядели потрясающе. Уложенная челка аккуратно лежала на лбу, пушистые завитки мило топорщились на затылке.

Мэгги вытерла губы салфеткой. Если бы эта женщина так явно не замечала его реакции, он подумал бы, что она намеренно пытается его провоцировать.

– Итак?

Мэгги пыталась игнорировать его, пока ела, но теперь пристальный взгляд голубых глаз сделал это невозможным. Она вздохнула:

– Мне сорок, Нэш.

Он пожал плечами:

– И что?

– А то, что я на целых десять лет старше тебя.

– И что?

– Я училась в средней школе, когда ты бегал в памперсах.

– И что?

– Я вышла замуж, пока ты еще ходил в начальную школу.

Нэш мельком взглянул на ее левую руку. Кольца нет. И следа от него тоже.

– И что?

– Я развелась еще до того, как ты стал врачом.

Он улыбнулся ей:

– Тогда ты свободна, так?

Она раздраженно посмотрела на него:

– Нэш, тебе не кажется, что лучше заигрывать с женщинами своего возраста?

Он потянулся через стол и взял ее за руку.

– Мэгги из интенсивной терапии, ты выглядишь лучше, чем какая-либо другая женщина, из тех, что я встречал.

Мэгги чувствовала, как краснеет от его пристального взгляда. Она тонула в тропической теплоте его глаз, и ее сердце учащенно забилося, когда он стал рисовать пальцем круги на ее запястье.

Черт побери, она не польстится на его легкомысленные слова. Она не собиралась заводить интрижку с мужчиной, который на десять лет младше ее. Особенно с тем, кто встречался ради спортивного интереса и от одного взгляда которого у нее захватывает дух. Это просто глупо. К тому же она не так уж сильно страдает от одиночества.

Мэгги убрала руку:

– Я окажу тебе услугу, Нэш Рис. Я тебе откажу. И ты должен быть благодарным. Мужчинам вроде тебя нужна женщина вроде меня...

– Это то, что я пытаюсь сказать тебе, – перебил он.

Она улыбнулась:

– Женщина, которая скажет «нет». Слишком много женщин, говорящих «да», портят маленького Нэша. Когда-нибудь ты скажешь мне за это спасибо.

– Сомневаюсь, – тихо рассмеялся он.

Мэгги смяла пустой бумажный пакет и встала.

– Твоя жена точно будет благодарна.

Тогда Нэш откровенно рассмеялся. Он не собирался жениться. А женщины пытались его окрутить. Да, они в самом деле пытались. Деревенские девушки, страстно желающие вырваться из провинции, городские девушки, мечтающие заполучить доктора... Но он четко разработал карьерный план, который не включал в себя свадьбу.

– Жена? Нет. Я уже женат. На карьере. И я на верном пути.

Мэгги удивилась, увидев совсем иным любителя пофлиртовать, который преспокойно уселся на место напротив. Он снова был серьезным доктором, которого она видела утром. Интересно, скольким женщинам удалось разглядеть под маской плейбоя целеустремленного мужчину?

– И все же у тебя есть время на свидания?

Нэш снова улыбнулся:

– Я позволяю себе немного развлечься. Да ладно, Мэгги. Ты же знаешь, что хочешь этого.

Она покачала головой, несмотря на то что он был прав. Она очень хотела. Это было безумно, но она хотела. И знала

о Нэше Рисе достаточно, чтобы понять, что одного свидания будет мало.

– Отказ хорош для души.

– Отказ ужасен.

Он снова напомнил ей ребенка, ищущего немедленного удовольствия, и она рассмеялась.

– До свидания, доктор Рис.

– Я буду постоянно спрашивать! – крикнул он ей вслед.

Мэгги остановилась и оглянулась, когда вкрадчивое обещание заставило все внутри ее сжаться.

– Я шокирована.

Нэш рассмеялся:

– Увидимся, Мэгги из интенсивной терапии.

Эти же слова он сказал и сегодня утром, и они оказались сверхъестественным предзнаменованием для обоих.

– Не рассчитывай на это.

Он работал в секторах А и Е. Она – двумя этажами выше – в отделении интенсивной терапии. В больнице это совершенно разные миры. И она не собиралась впускать его в свой мир. Никогда.

Глава 2

На следующий день у Мэгги был выходной, но она все равно пошла в больницу. Она регулярно добровольно помогала на радио «Смешинка». На самом деле она стала одной из его основательниц, увидев успех радио «Леденец» во время своей работы на Ормонд-стрит в Лондоне.

На глазах Мэгги их скромный штат с годами расширяется от горстки людей, запускающих первую двухчасовую передачу, до группы волонтеров, работающих без устали ради целительной силы игры.

Волонтеры радио «Смешинка» активно вовлекали детей, находящихся на лечении в больнице, в разнообразные шоу, музыкальные конкурсы, игры и другие виды деятельности.

Фактически радио «Смешинка» делало пребывание детей в больнице менее угнетающим.

Она не должна была работать на радио в этот день, но Росс Келвин, менеджер и единственный оплачиваемый сотрудник «Смешинки», заболел и попросил его заменить. Мэгги сразу согласилась. Невозможность иметь собственных детей была для нее тяжелым ударом, но общение с больными детьми помогало заполнять душевную пустоту.

Первым, кого она увидела, войдя в студию «Смешинки», был пятилетний Дуглас Вернер, который долгое время находился у них на стационарном лечении.

– Дугги, – улыбнулась она и наклонилась, чтобы принять радостное объятие маленького мальчика.

– Он спрашивал о вас.

Мэгги подняла голову и увидела пятнадцатилетнюю Кристин Лик, пациентку с кистозным фиброзом, постоянную гостью студии.

– Что ж, я здесь. – Она пощекотала маленького мальчика и рассмеялась от его милого возгласа.

– Знаете что? – заговорила Кристин, стараясь перекрыть Дугласа. – Росс сказал, я могу провести сегодняшнее интервью сама. – Она посмотрела через плечо Мэгги. – Вы его еще не видели?

Мэгги смотрела, как болезненно-худой подросток переминается с ноги на ногу, закусив губу. Кристин была преуспевающим диджеем, хотела работать на общественном радио и каждую свободную минуту проводила в студии «Смешинки».

– Боюсь, что Росс сегодня на больничном.

– О!

Мэгги было невыносимо видеть огорчение девочки.

– Но ты все равно можешь сделать это, – подбодрила она.

Лицо Кристин озарилось счастьем, и Мэгги почувствовала, как сжимается ее сердце.

– Правда? – воскликнула Кристин.

– Конечно, – засмеялась Мэгги. – Ты разбираешься в дисках лучше меня.

Следующие полчаса Мэгги и Кристин разрабатывали плей-лист в соответствии с заявками, принятыми накануне. Кристин была прилежной помощницей – доставала диски, которые были им нужны, и раскладывала их по порядку, что было очень кстати, поскольку Дуглас устроился на коленях Мэгги.

Штатив с жизненно необходимыми препаратами стоял поблизости; малыш привык к взрослым, которые баловали его. Он положил свою раскраску на консоль, и Мэгги болтала с ним, беря цветные карандаши, которые он давал ей, и раскрашивая там, где он показывал. В то же время она отвечала на вопросы Кристин и волонтеров, которые ходили от одного к другому подопечному, одетых в яркие футболки радио «Смешинка».

Мэгги знала, что следующие пару часов игровая комната снаружи будет полна детьми, поскольку те, кто мог, пришли посмотреть настоящее радиошоу. Обычно они передавали приветы своим лежащим в кроватях друзьям и семьям и принимали участие в мероприятиях, организованных волонтерами.

В четыре часа программа началась. Мэгги и Дугги остались в студии и позволили Кристин проводить шоу. Дугги знал, что нужно соблюдать тишину, и, пока у него была раскраска, он был счастлив молча сидеть на коленях Мэгги и рисовать. Радио «Смешинка» никогда не претендовало на уровень профессиональных станций, учитывая то, что шоу в ос-

новном проводили дети, но никому еще не повредило стремление к совершенству.

Мэгги потерлась щекой о светлые кудряшки мальчика и вдохнула запах больничного мыла, когда поцеловала его в макушку. Дугги родился недоношенным от матери-наркоманки, и у него развился некротизирующий энтероколит, что привело к необходимости удалить большую часть нежизнеспособного пищеварительного тракта.

Он тяжело болел в первый год жизни, и в три месяца его перевели на продолжительное лечение из отделения реанимации новорожденных в детское отделение интенсивной терапии. Сейчас у него был синдром укороченного кишечника; это означало, что его пищеварительный тракт недостаточно длинный, чтобы впитывать еду, и его нужно будет постоянно кормить внутривенно.

Он находился в больнице буквально всю свою жизнь – регулярно появлялся в детском отделении с различными инфекциями, которые то и дело одолевали его из-за ослабленной иммунной системы. Последний раз он поступил несколько месяцев назад с двусторонней пневмонией.

Он выглядел как и все дети с серьезными нарушениями всасывания. Худые руки и ноги и выступающий живот. Она чувствовала его округлые контуры под тонкой шелковой больничной пижамой и снова поцеловала Дугги макушку.

– Так вот, значит, где вечеринка.

Если бы не Дугги на ее коленях, то Мэгги точно подпрыг-

нула бы при звуке голоса Нэша Риса, вмешавшегося в студийный гул. Он что, ее преследует?

– Доктор Рис!

Мэгги заморгала, видя, как Кристин, бросив наушники, прыгнула со стула, широко улыбаясь ему. Он стоит у двери в темных брюках и клетчатой рубашке. На руках у него был маленький ребенок, который тянул за повязку, обвязанную вокруг головы. Нэш выглядел естественно и непринужденно с ребенком, и желудок Мэгги снова точно перевернулся.

Нэш улыбнулся девочке:

– Привет, Кристин. – Он повернулся к Мэгги, которая выглядела невероятно сексуально в обтягивающих джинсовых капри и красной футболке радио «Смешинка», обрисовывающей ее грудь. – Привет, Мэгги из интенсивной терапии.

Мэгги почувствовала, как жар приливает к ее щекам, когда он прошелся взглядом по ее телу.

– Этот карапуз говорит, что его зовут Броуди и он хочет передать привет всем, кто находится в третьей палате, – сказал он Кристин, оторвав взгляд от Мэгги.

– Давайте его сюда, – улыбнулась Кристин, протянув руки и пошевелив пальцами. – Я помогу ему. Затем мы сможем провести ваше интервью.

Мэгги тупо уставилась на Нэша, когда Кристин усадила малыша к себе на колени.

– Ты будешь давать интервью?

– Думаешь, не справлюсь? – рассмеялся Нэш.

Мэгги почувствовала жар на своих щеках.

– Ну что ты. – Мэгги жалела, что не знала заранее. Она не спросила Кристин об интервью, потому что предполагала, что давать его будет, как обычно, один из стационарных пациентов. – Как это произошло?

– Я захожу сюда время от времени, и Кристин спросила, может ли она взять у меня интервью, – пожал он плечами.

Нэш заходил на радио «Смешинка»?

– А ты? Много помогаешь здесь?

– Время от времени, – пожала плечами Мэгги.

– Эй, – вмешалась Кристин, – это не правда. Не слушайте ее, доктор Рис. – Она указала на фотографии в рамках над панелью, на нескольких из них была Мэгги. – Как говорит Росс, Мэгги была движущей силой радио «Смешинка», и без нее его бы не существовало.

Нэш запрокинул голову и посмотрел на увеличенные снимки. Мэгги, выглядевшая моложе, в наушниках; его взгляд привлекло обручальное кольцо и ее улыбка. На другой фотографии Мэгги помогала официально выглядящему мужчине разрезать ленточку у двери позади него.

Он присвистнул. Вчера он видел ее как исполнительную медсестру отделения интенсивной терапии, а сегодня она предстала перед ним в другом свете. Его либидо оценивало ее как великолепную, привлекательную женщину; он понимал, что в Мэгги есть больше, чем симпатичная внешность.

Дуглас наконец-то оторвался от своей картинки.

– Доктор Рис, – позвал он, и Мэгги была спасена от откровенного любопытства в глазах Нэша.

– Привет, Дугги. – Нэш присел рядом с Мэгги. Дуг был его пациентом. – Как дела, дружище?

Дугги взял свою раскраску.

– Я раскрашиваю принцессу. Правда, красивая?

– Как картинка, – кивнул Нэш.

– Хотя она не такая красивая, как Мэгги.

Нэш сознавал, что почти трется коленями о ее бедро. Он посмотрел на ее лицо и улыбнулся, увидев, что оно снова наливается румянцем.

Устами младенца глаголет истина.

– Нет, – согласился он, глядя ей прямо в глаза. – Нет никого красивее Мэгги.

На одно странное мгновение ей показалось, что все исчезли из комнаты. И в тот момент Мэгги увидела перемену в Нэше. Он хотел ее, она это понимала, но здесь было нечто большее. Возможно, уважение. И этот Нэш был более соблазнительным, чем вчерашний флиртующий.

– Хорошо, – сказала Кристин, снова сняв наушники и покачивая на коленях своего нового ассистента. – После этой песни ваша очередь, доктор Рис. Вы готовы?

Нэш неохотно отвел взгляд от Мэгги, всецело обращая внимание на подростка:

– Готов.

Мэгги видела, как Кристин краснеет от взгляда Нэша. Бы-

ло очевидно, что девочку сильно влечет к нему, и он это тоже знал. Нэш был невероятно очарователен и обходителен и являл собой все, о чем могла мечтать девочка, увлекающаяся Джейн Остин. Но Мэгги понимала, что он соблюдал границу.

Он говорил о том, что вырос на огромной скотоводческой ферме в тысяче километров к западу от Сиднея, брал школьные уроки через «Школу по радио» и присматривал за стадом с вертолета.

– А почему вы решили стать врачом? – спросила Кристин.

Мэгги, которая была поглощена раскрашиванием розового цветка, приподняла голову при этом вопросе. Кристин сидела к ней спиной, а Нэш – лицом. Она заметила, что в какой-то момент Броуди снова перебрался на колени Нэша. Она не думала, что это возможно, но тот сейчас выглядел более мужественно, более привлекательно. Их взгляды встретились, когда он заговорил:

– Когда мы были детьми, моя сестра часто болела, и ей приходилось постоянно ездить в Сидней на лечение, потому что в нашей глуши не было медицинского обслуживания. Тогда я пообещал ей, что стану врачом и изменю это.

Мэгги заметила легкость в его голосе и улыбке, которой он одарил Кристин, когда нарушил зрительный контакт с ней, но было слишком поздно. Она увидела грусть в его взгляде, когда он говорил о своей сестре, и это вызвало в ней гораздо более глубокое чувство, чем сексуальное влечение. А кто

смог противостоять пылкому мальчишескому обещанию?

– Как-то вы сказали мне, что радио «Смешинка» было спасением жизни. Что вы имели в виду?

Мэгги задохнулась от этого очень взрослого вопроса. Какое общественное радио? Кристин сделает карьеру на шоу «Шестьдесят минут».

– В больнице в Сиднее, где лежала Тэми, было собственное радио для детей. Моя сестра и я обычно звонили туда и заказывали песни для нее. Она слушала каждый день и говорила, что это помогает ей немного меньше скучать по дому.

У Мэгги по рукам поползли мурашки от искреннего сильного чувства в спокойном голосе Нэша. Очевидно, он был близок со своей семьей, и связь с больной сестрой через больничную радиостанцию, не важно, как давно это было, по-прежнему волновала его.

Она никогда прежде не думала об этом аспекте больничного радио «Смешинка», ее больше заботили развлекательные атрибуты. Но для больных это была еще и возможность почувствовать себя ближе к дому, что было невероятно трогательно, и Мэгги испытала гордость, что является частью такой нужной организации.

– У вас есть пожелание к нам сегодня, доктор Рис?

Броуди стал капризничать, и Нэш переместил его на другое колено и немного покачал.

– Конечно. Мне бы хотелось послушать «Выпустить магического дракона». Это была любимая песня Тэми.

Мэгги была благодарна Дугги и своей вынужденной деятельностью, когда в студии зазвучали печальные аккорды песни. Она крепко сжала карандаш, мурашек стало еще больше.

– Спасибо, доктор Рис, – с восторгом поблагодарила Кристин, снимая наушники.

Нэш улыбнулся и встал. Броуди становился более раздражительным, сейчас он тер глаза.

– Никаких проблем. – Нэш начал покачиваться, поскольку ворчанье Броуди стало громче. – Лучше я отнесу этого малыша в палату.

– Увидимся, – кивнула Кристин.

Он кивнул девочке, затем посмотрел на Мэгги, которая не отрывалась от раскраски.

– Увидимся, Мэгги.

Мэгги подняла глаза. Нэш качал на руках Броуди. Он был стройный, привлекательный и внушающий любовь. Вчера она думала, что совсем не вписывается в его окружение, но сегодня, с ребенком на руках, в студии радио «Смешинка», он выглядел совершенно естественно. Доступно. Соблазнительно.

– Пока, – небрежно ответила она, почти сразу же вновь переключая свое внимание на Дугги.

Нэш уже покинул студию, но его манящий смех по-прежнему звучал у нее в ушах.

Получи Мэгги хоть на миг волшебную палочку, она ис-

пользовала бы ее, чтобы отменить ночные дежурства.

Она ненавидела их.

В частности, свою первую ночь. Итак, она была не в лучшем настроении, когда выключила зажигание и вышла из машины под усеянным звездами небом. Ей предстояло провести на работе десять часов, а она уже зевает. Нехороший знак!

Войдя в дверь и поприветствовав товарищей по несчастью, она знала, что все будет в порядке. Просто сама мысль была угнетающей. И с возрастом ей становилось все тяжелее от нее избавиться. Студенткой она легко приходила в норму. Сейчас, двадцать лет спустя, ей требовалась пара дней, чтобы восстановиться после ночных смен.

После короткого совещания в чайной комнате Мэгги приняла пост Рей, медсестры, присматривающей за Тоби Райаном; он поступил в палату в обед.

Тоби был трехлетним мальчиком, родившимся с редкой наследственной болезнью крови. За свою короткую жизнь он уже много раз возвращался в больницу и подвергался множеству различных процедур. Когда врачи поняли, что ничего не помогает, осталась лишь трансплантация костного мозга, и сейчас Тоби предстояло пятьдесят дней реабилитации. К сожалению, ничто не происходило гладко для маленького Тоби, и рентген грудной клетки показал ухудшение за последние несколько дней; сейчас было похоже, что у него пневмония. Ему начали давать антибиотики и взяли на ана-

лиз мокроту, но тем утром стало очевидно, что потребуется более полное обследование и дальнейшая дыхательная поддержка, поэтому его перевели в детское реанимационное отделение.

Мэгги внимательно наблюдала за своим пациентом, заметив, что даже во сне он использует аппарат, помогающий ему дышать. Звук кислорода, проходящего через его маску и заполняющего прикрепленный пластиковый резервуар, был удивительно громким в без того шумном окружении.

Малыш с густыми темными кудряшками, обрамляющими его голову, выглядел трогательно, сжимая старенького плюшевого медвежонка, у которого отсутствовали один глаз и половина уха. На нем были только брюки от пижамы, верхняя часть тела была обнаженной. Мэгги нахмурилась. Ему было действительно трудно дышать, что тревожило, особенно учитывая то, что он спал.

Мэгги выполняла данные ей задания. Линда, старшая медсестра и близкая ее подруга, готовила четвертую койку для пациента, которого должны были привезти на «скорой», когда Мэгги попросила ее проверить некоторые предписания сразу же, как она закончит. Затем вернулась мама Тоби, Элис, и Мэгги поговорила с ней некоторое время.

Прошло добрых два часа, когда у Мэгги появилась минутка присесть и прочитать историю болезни Тоби. В отделении детской реанимации была электронная таблица, у каждой тумбочки стоял компьютерный терминал. Она заметила,

что двоюродный брат Тоби умер в прошлом году от такого же заболевания.

Она оторвалась от экрана и увидела, что Элис заснула у кровати сына, держа его за руку. Мэгги даже представить себе не могла, как переживают она и остальные члены семьи Тоби.

Дела вошли в привычный ритм. Тоби спал и был умницей. Другие пациенты тоже вели себя хорошо. Мэгги споро выполняла повседневную работу. Низкий гул аппаратов, гудение и вибрация мониторов, чавканье всасывающих приборов и разнообразные сигналы всевозможных устройств в комнате создавали монотонный шум.

Эти звуки были знакомы Мэгги, как ее собственное дыхание, биение ее пульса. Невольно она заметила, что каждый из них и являлся таковым. Она знала, о каких беспокоиться, а на какие не обращать внимания. И даже глубоко поглощенная другими заданиями, сразу же слышала, когда что-то звучало по-другому.

Линда подменила Мэгги, и та могла сделать свой первый перерыв. Она вернулась через полчаса, как раз когда привезли пациента на «скорой». Два фельдшера везли каталку, их сопровождали санитар и медсестра Гвен.

Но никто из них не привлек ее взгляда. Мэгги могла сфокусироваться только на одном из тех, кто шел к ней.

Нэш Рис.

Какого черта? Что он здесь делает? Разве недостаточно

того, что у нее со вчерашнего дня не выходит из головы его образ с ребенком на руках?

– Привет, Мэгги Грин.

Мэгги уставилась на него, не обращая внимания на то, что он назвал ее по фамилии.

Нэш выглядел невероятно. Его волосы были по-модно-му взъерошены. Темно-синяя рубашка обтягивала его широкие плечи и грудь, на кармане был нашит ярлык, обозначающий его должность врача. Манжеты были завернуты, обнажая сильные, покрытые белыми волосками предплечья.

На нем были щеголеватые выцветшие джинсы вместо темно-синих брюк в тон. Они плотно облегли его фигуру, и Мэгги поймала себя на мысли, что думает, как он выглядит в одних только джинсах.

– Я поставлю ширму, Мэгги, чтобы не разбудить Тоби, – сказала Линда.

Мэгги молча кивнула и наблюдала, как разделяющая ширма между третьей и четвертой койками закрыла не только свет, но и Нэша Рису, и чертовски сбивающие с толку джинсы.

Пытаться сконцентрироваться на работе сейчас было совершенно бесполезно. Голоса за ширмой были приглушенными, но ей казалось, она различает каждый звук, принадлежавший Нэшу. К счастью, Тоби продолжал спать.

Часом позже, когда Мэгги ввела в компьютер имя пользователя и пароль, чтобы расписать назначения, она почув-

ствовала за спиной присутствие Нэша.

– М. М. Г., – задумчиво произнес он, читая через ее плечо. Ему потребовалось несколько дней, чтобы разобраться в электронной таблице, и, возможно, было много всего, что он еще не изучил, но он точно знал, что имена пользователей персонала состоят из их инициалов. – Какое твое второе имя, Мэгги Грин?

Мэгги проигнорировала его, не желая оборачиваться и отвечать на вопрос. Это его не касалось.

Нэш передвинулся, теперь он стоял перед ней, опираясь загорелым локтем и стройным бедром о ее подвижный компьютерный стол.

– Это Мэй? Ты Мэгги Мэй? Твоя мама была фанаткой Рода Стюарта?

Мэгги поблагодарила судьбу за относительную приглушенность света в комнате, когда он напел первые строчки известной песни.

– Да. Я знаю, что ты имел в виду, – сказала она, прервав его на удивление хороший баритон, не уверенная, что вынесет эту песню о незаконной связи молодого мужчины и женщины старше его. – Меня называли Мэй в честь бабушки, – ледяным тоном ответила она. – Я *старше*, чем песня Рода Стюарта.

Нэш тихо рассмеялся:

– Никогда не встречал женщину, так открыто говорящую о своем возрасте.

Мэгги равнодушно пожала плечами. Что поделаешь, если у тех двадцатилетних, с которыми он встречался, были проблемы с возрастом.

– Думаю, лучше привыкнуть к этому, поскольку я буду работать здесь следующие три месяца.

Мэгги потребовалась минута, чтобы унять свой взбесившийся пульс. *Три месяца?* Мэгги нахмурилась, внезапно поняв все.

– Ты знал! – укоризненно произнесла она. – Тогда... за обедом... вчера... ты знал, что придешь сюда.

– Виноват, – улыбнулся Нэш.

Мэгги посмотрела в его лицо, в котором не было ни капли вины.

– Мог бы сказать мне.

– И ты бы подготовилась? – рассмеялся Нэш. – Мне нравится смотреть, как ты волнуешься, Мэгги Грин.

Мэгги вздохнула, не желая реагировать на его замечание или показывать ему, как ее удивила перспектива работы бок о бок с ним в течение трех месяцев.

– Как тебе это удалось? Все младшие врачи работают у нас не на полной ставке.

– Появилась краткосрочная должность. Доктор Перкинс предложила ее мне.

Мэгги нахмурилась. Доктор Гемма Перкинс, заведующая детской реанимацией, никогда не предлагала краткосрочные контракты. *Должно быть, он чертовски хорош.*

– Почему только три месяца?

– В январе у меня будет должность на Ормонд-стрит.

Мэгги заморгала. *Лондон?* Вероятно, это часть его великого карьерного плана.

– Хорошая больница, – пробормотала она.

И все же... *Лондон?* Ей было трудно поверить, что он выживет в системе британской медицины, где костюмы и галстуки обязательны. Он сменил свою форму на футболку, сочетающуюся по стилю с его джинсами с низкой талией, – образец расслабленности.

У него вообще есть галстук?

Нэш снисходительно улыбнулся. Эта больница была мировым лидером.

– Лучшая.

Мэгги кивнула:

– Я работала там много лет назад.

– Когда была моего возраста? – не удержался Нэш.

Мэгги встретила его откровенно заигрывающий взгляд:

– Нет. Когда только вышла замуж. Двадцать лет назад. Полагаю, тебе тогда было около десяти?

– Да, около того.

Мэгги покачала головой от его невозмутимого ответа.

Ему никогда не было десять.

– Думаю, мне нужно сменить напарника, – с неохотой произнес Нэш. – Уверен, Мак хочет пойти домой.

Сегодня ночью? Он работает сегодня ночью? Она думала,

что он просто сделает необходимые процедуры и уйдет. *Великолепно!* Теперь ей пришлось добавить Нэша Риса и его выбивающее из колеи присутствие к своей тоске из-за первой ночи.

* * *

Двумя часами позже Мэгги лежала в темной комнате отдыха на матрасе на полу, закутанная в теплое одеяло. Она пыталась заснуть. Но ее мысли то и дело возвращались к Нэшу Рису и его невозможно голубым глазам.

Черт побери! Она должна спать.

У нее всего один драгоценный час, чтобы отдохнуть, а она смотрела в потолок, в подсознании предательским шепотом звучала фраза: *«Мне нравится смотреть, как ты волнуешься, Мэгги Грин».*

Через двадцать минут она признала поражение, встала и направилась в чайную комнату, чувствуя усталость и раздражение. Она собиралась устроиться у телевизора смотреть какое-нибудь плохое телешоу и пить чай. Мэгги переключала каналы, когда в комнату вошел Нэш.

– Не могла заснуть, Мэгги?

Его голос окутал ее, и раздражение возросло. Она будет чувствовать себя отвратительно на следующее утро, и все из-за него.

– Ты смотришь это? – спросил он, не дожидаясь ее ответа.

Мэгги передала ему пульт. По телевизору ничего интересного не было.

– Нет.

– Хорошо. – Он взял пульт и переключился на спортивный канал. – Деревня против города, – сказал он ей. – Я пропустил матч днем.

– Можно дать волю деревенскому мальчишке, да?

– Вроде того, – улыбнулся он ей.

Мэгги потягивала чай, а Нэш смотрел телевизор. Молчание было беспокойным. Не то чтобы Нэш выглядел беспокойным, но Мэгги была чертовски уверена, что он так себя чувствует. Это было слишком... интимным.

– Так где точно находится твой дом? – спросила она.

– Далеко на западе Нового Южного Уэльса. Моей семье принадлежит пара сотен тысяч акров.

– Ты оторвался от своих корней. Я думала, деревенские мальчишки ненавидят город.

Нэш рассмеялся:

– Ты шутишь? Я люблю город. Может, в душе я и деревенский мальчик, но чувствую себя здесь как ребенок в магазине сладостей. Не пойми меня неправильно, я люблю копать в земле, пыли и грязи... – Нэш замолчал, заметив, что пальцы Мэгги, сжимавшие чашку, побелели. Он знал, что не так безразличен ей, как она притворяется. – Но мне нравятся магазины, и театр, и ночная жизнь.

Мэгги подавила фырканье. Она могла поклясться, что ему

нравится ночная жизнь. Она могла поклясться, он хорошо туда вписывался, и девушки сходили с ума от его шарма метросексуального красавчика и деревенского парня.

Ему понравится Лондон. И Лондону он точно *понравится*.

– Итак, ты переводишься?

– Пока планирую именно так поступить.

– Ах, твои великие карьерные планы! Твой путь! Расскажи мне об этом.

Это было хорошо. Они разговаривали как два нормальных, благоразумных взрослых человека. Никаких флюидов, никакой пустой болтовни.

Нэш пожал плечами:

– Стать лучшим педиатром Австралии, а затем вернуться домой. На окраинах недостаток ресурсов и финансирования. Я хочу основать воздушную педиатрическую службу.

Мэгги не следовало удивляться этому, учитывая то, что он говорил вчера во время интервью. Его мальчишеское обещание сестре. Но она была удивлена. Она была так удивлена, словно Нэш сказал, что собирается бросить медицину и стать трансвеститом.

Вчера он сказал, что женат на карьере, а сегодня она узнала о Лондоне. Было поразительно обнаружить, что он остался верным своему детскому обещанию.

Нэш Рис, очаровательный любитель пофлиртовать, ясно давший понять, что он хочет ее, был неотразим. Нэш Рис,

благородный доктор с бескорыстной целью, возникшей из-за болезни его сестры, был совершенно неотразим. Она мельком увидела этого мужчину вчера в студии. А сейчас смотрела на него во все глаза.

– Твоя сестра, должно быть, гордится тобой, – пробормотала Мэгги.

Нэш пожал плечами:

– Уверен, гордилась бы, если бы была жива.

Мэгги застыла от чувства ужаса, охватившего ее.

– О, Нэш. Мне жаль.

– Все в порядке, – отмахнулся он. – У нее была лейкемия. Мне было восемь. Ей – десять. Это случилось давно.

– Мне жаль, я просто подумала вчера... ты не говорил, – нескладно закончила она.

– Я думал, что неуместно говорить о смерти моей сестры на радишоу в детской больнице.

– Точно, – пробормотала она. – Ты прав.

Нэш замолчал на минуту, когда всепоглощающая боль того времени нахлынула на него. Он нечасто говорил о Тэми. Может быть, вчерашнее интервью вновь разбудило в нем воспоминания, но он обнаружил, что хочет рассказать об этом Мэгги.

– Она умерла в городе, потому что дома ей нельзя было обеспечить нужную терапию. Необходимость совершать длительные поездки в Сидней была непосильной для нашей семейной жизни и финансов родителей. Находиться вдали

от Тэми большую часть времени было очень-очень тяжело для всех нас. Мы скучали по ней.

Мэгги кивнула:

– Могу себе представить.

Он посмотрел в ее глубокие темно-карие глаза. Было здорово не объяснять кому-то, что пришлось пережить. В детской реанимации были и больные раком, и Нэш знал, что Мэгги поймет настоящий ужас этой болезни.

– Маме и папе потребовалось много времени, чтобы прийти в себя после этого. Они пытались изо всех сил... ради нас.

– Конечно же, – проговорила Мэгги. – Уверена, вы все переживали.

Нэш видел в ее взгляде не только сочувствие, но и уважение. Он не казался ей назойливым жуком. Или ребенком, которого надо терпеть или развлекать. Она смотрела на него как на мужчину.

Что-то вроде того, что Нэш почувствовал к ней, когда узнал о ее прошлом на радио «Смешинка». Внезапно пространство вокруг них стало трехмерным, и ему пришлось признать, что было нечто большее, чем физическое влечение, которое он испытывал, когда они были вместе.

Он не знал, радоваться ли такому повороту событий или встать и выйти из комнаты. В ее взгляде было нечто такое, что потребует от него больше, чем он был готов дать.

Вмешался звук телевизора. Толпа радовалась, и голос комментатора поднялся на одну или две октавы, когда одна

из деревенских команд сделала стремительный бросок к воротам противника. Нэш был благодарен такому вмешательству и притворился, что его интересует игра.

Мэгги тоже была рада этому. Все вдруг стало слишком напряженным, а ей меньше всего этого хотелось. Воспринимая Нэша как фривольного любителя удовольствий, ей было легче игнорировать влечение, возникшее между ними. Но трагедия его семьи и преданность своей карьере добавили его облику новое измерение. Если она узнает о нем еще больше, то игнорировать его будет гораздо сложнее.

– Мое время вышло.

Мэгги встала. На самом деле у нее оставалось еще восемь минут, но ей действительно нужно было уйти.

Нэш кивнул, намеренно не отводя взгляда от телевизора. Что-то произошло между ними, сделав его интерес к Мэгги Грин очень неразумным. Ему нужно немедленно отказаться от нее, потому что от Мэгги, которая только что смотрела на него с сочувствием и уважением, будет очень нелегко уехать с наступлением января.

А этого он не мог допустить. Его ждет Лондон, а затем дом. Ни одна женщина никогда не вводила его от цели, и он не собирался связываться с той, которая могла бы это сделать.

Да, было влечение. Да, он хотел ее. Но Мэгги Грин – запретная зона.

Лучше ему к этому привыкнуть.

Глава 3

Следующие две недели Нэш пытался игнорировать свое влечение к Мэгги. То, чего никогда не делал. После смерти сестры он узнал, что жизнь коротка и нужно жить в полную силу. Но во время их разговора той ночью он понял, что Мэгги не та женщина, с которой он мог бы позволить себе быструю интрижку.

В ней было что-то, что зажигало перед ним предупреждающий красный свет. Мэгги была постоянной женщиной. Он же не был постоянным парнем.

У него еще оставались годы учебы, несколько лет в Лондоне, а затем опять провинция. Может быть, однажды он найдет милую деревенскую девушку, на которой женится, возможно, у него будет семья, как у его родителей и бабушки с дедушкой, но он совсем не торопился с этим.

Но затем Нэш совершил фатальную ошибку и присоединился к коллегам, собравшимся выпить в пятницу вечером. Два часа он смотрел, как Мэгги влажными губами посасывает янтарную жидкость из бутылки с длинным горлышком, и ему хотелось быть ее пивом. Она сводила его с ума. Он должен обладать ею. Несмотря на предупреждающий свет, несмотря на то, что это безумие.

Он не мог вспомнить, чтобы когда-либо хотел женщину так сильно.

Мэгги подняла глаза и встретилась с ним взглядом на короткую секунду, а потом торопливо отвела его в сторону и улыбнулась чему-то, что говорила Линда. Он знал, что она чувствует, как вибрирующее влечение выходит из-под контроля. Неформальная обстановка, отдаленная от больницы, стирала границы между ними.

Она украдкой бросала на него взгляды весь вечер, надеясь, что он не замечает, но ее желание манило, как свет маяка. И хотя рифы грозили опасностью и он рисковал на что-нибудь напороться, его тянуло к ней неодолимо.

Ему нужен еще один напиток.

Мэгги с облегчением вздохнула, когда Нэш вышел из-за стола. Она весь вечер чувствовала на себе его пристальный взгляд, и это волновало и ужасало ее в одинаковой степени. Чувство неизбежности высасывало воздух из ее легких.

Этим вечером Нэш выглядел, как обычно, уверенно и сексуально, одетый в выцветшие джинсы и рубашку поло в цвет его глаз. Оставалось только посыпать его сахаром и съесть ложкой.

Господи, ситуация выходила из-под контроля. Они потратили две недели, старательно избегая друг друга. О, разумеется, между ними присутствовало влечение, но все было так, словно он решил остановить их притяжение. Он не флиртовал. Был вежлив и дружелюбен. И это вполне устраивало ее.

Мэгги была очень благодарна ему и отвечала в том же духе. Но сегодня вечером между ними словно открылся канал

энергии, портал, видимый только им двоим, и рамки, в которые они подсознательно заключили свои отношения, растаяли.

Нэш вернулся к столу с бокалом пива и посмотрел прямо на Мэгги, его взгляд скользнул по ее лицу, потом опустился к V-образному вырезу ее футболки. Он снова посмотрел на нее, и Мэгги увидела дикий голод в его глазах. Она встала – больше не могла этого выносить. Если она сейчас не уйдет, то затащит его в туалет, только чтобы избавиться от навязчивой идеи обладать им.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.